

Игорь Евдокимов

Доктор
Фальк
и убийства
под парусом

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е15

Иллюстрация на переплете *Kateshi Kittano*

Карта на форзаце и внутренние иллюстрации *Александры Чу*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Евдокимов, Игорь Алексеевич.
Е15 Доктор Фальк и убийства под парусом / Игорь Ев-
докимов. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-244894-2

Лето в Зеленом луге продолжается — вместе со штормами, неожиданными визитами и дачной скукой, которая, однако, заканчивается ранним дождливым утром.

После ночной бури к берегу прибывает перевернутую яхту князя Несвицкого, но она пуста. Ни владельца, ни пассажиров, ни экипажа — неужели у жителей дачного поселка появился свой корабль-призрак? Вскоре обнаруживают тело одного из пропавших — и становится ясно, что дело не в стихии. Сына купца Жоржа Рыбина застрелили. Но где же остальные?

У единственного подозреваемого — неопровержимое алиби, и он проявляет слишком живой интерес к Лидии, возлюбленной Фалька.

И если первое Василий Оттович готов ему простить, то второе — никогда. А значит, доктору-детективу с неохотой придется взяться за новое расследование.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Евдокимов И.А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство

ISBN 978-5-04-244894-2 «Эксмо», 2026

СПИСОК ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

Василий Оттович Фальк — доктор, эстет, зану-
да. Сыщик поневоле.

Лидия Николаевна Шевáлдина — возлюбленная
Фалька. Натура увлекающаяся и любопытная.

Александр Петрович Сидоров — урядник (деревенский полицейский), друг Фалька.

Ираида Дмитриевна Шевáлдина — мать Лидии, дама суровая, озабоченная поиском приличной партии для дочери.

Клотильда Генриховна — экономка Фалька. Ужас, летящий на крыльях ночи. Если привыкнуть — милая и почти не пугает.

Арсений Устинович Новиков — судебный следователь.

Екатерина Юрьевна Красильникова — жена присяжного поверенного. Дама знойная, свободных нравов.

Константин Михайлович Нёсвицкий — князь, дипломат, хозяин усадьбы, приехал погостить.

Иван Сергеевич фон Бек — друг князя, прожигатель жизни.

Николай Дмитриевич Мамаев — друг князя, сын фабриканта.

Георгий Платонович Рыбин — друг князя, сын купца-лесопромышленника.

Сергей Анатольевич Богомольцев-Донской — театральный режиссер.

Карл Кронидович Гейнц — антрепренер.

Федор Федорович Осокин — художник.

Ольга Ивановна Алеева — актриса.

Марк Евсеньевич Чернов — актер.

Михаил Всеволодович Всеволожский — командор яхт-клуба.

Филимон Кондратьевич Персигов — боцман, сторож яхт-клуба.

Павел Сергеевич Невёров — товарищ прокурора в отставке, друг Фалька.

Евлампий Аристархович Кунин — излишне деятельный председатель общества благоустройства. Бич Божий и необходимое зло в глазах дачников.

Фома Михайлович Аксенов — бывший станционный смотритель. Знает все обо всех.

Евграф Андреевич Попов — уездный исправник. Бесплезен.

Зиночка Макарова — актриса.

Прасковья Елоровна — костюмерша.

Харон Семенович и Аида Семеновна Беляковы — гробовщики с нездоровым энтузиазмом к своей работе. Энтузиазм наследственный.

Моряки, актеры, служители сцены, дачники, стражники, крестьяне — тоже присутствуют.

IN MEDIAS RES

Сидя на палубе яхты и созерцая окружающую его водную гладь, доктор Василий Оттович Фальк поймал себя на довольно абсурдной мысли, что у моря и пустыни довольно много общего. И там и там бескрайние просторы. И там и там всегда есть шанс умереть от жажды и жары. И там и там не найдешь свидетелей, случись что... Непредвиденное.

— О чем размышляете, Василий Оттович? — спросил его спутник.

— О сходствах и различиях пустыни Сахара и Финского залива... — откликнулся Фальк.

— Банально. Думаю, ко всем, кто видит море в штиль, приходит эта аналогия. Скажите, вы правда подозреваете, что я их убил?

Первым порывом Василия Оттовича было обернуться и пораженно уставиться на собеседника. Порыв этот он сдержал, а потому продолжил любоваться морем, выдерживая солидную паузу. Такого вопроса следовало ожидать. Вряд ли собеседника можно было считать дураком. А то, что, кроме них двоих, на яхте (да и на пару верст вокруг тоже) никого нет, — лиш-

ний повод держать эмоции при себе и сохранять внешнее спокойствие.

— Согласитесь, это логично, — наконец нарушил молчание доктор. — В конце концов, все улики указывают на вас.

— И вы все равно согласились выйти со мной в море?

— Я счел, что, будь вы убийцей, с вашей стороны было бы довольно опрометчиво попытаться настолько явно от меня избавиться. И невежливо. К тому же вы сами видели: у меня есть свидетель, знающий, с кем и куда я отправляюсь.

— Это при условии, что я бы хотел сохранить инкогнито. Будь я убийцей, конечно же.

— А что же, у вас есть другие варианты?

— Конечно. Должно быть, вы заметили, что Кронштадт мы миновали. Отсюда рукой подать до Финляндии. Терийоки во-о-он там, но я бы предпочел Выборг. Он, конечно, значительно дальше, но и яхта у меня быстроходная. Домчал бы мигом. Пока вас не хватились, взял бы припасы. А дальше... Швеция. Германия. Швейцария. Счета в тамошних банках у меня уже есть. Как выправить документы, я тоже представляю. Меня бы никто не нашел... Сигару?

На этот раз собеседнику все-таки удалось удивить Фалька. Доктор обернулся. Мужчина за его спиной оставил штурвал, подошел к нему и потянулся к нагрудному карману. Василий Оттович напрягся, готовый прыгнуть и зажать руку собеседника в тиски. Но тот действительно достал из кармана две сигары и про-

тянул одну доктору. Естественно, дорогую, кубинскую, с фабрики братьев Упманов¹.

— Приговоренному разрешается закурить? — иронично вскинул брови Фальк, принимая презент.

Собеседник рассмеялся. Крутанул свою сигару между пальцев. Провел ею под носом, втянув воздух ноздрями. Сжал пальцами, прислушиваясь к хрусту. Вновь запустил руку в карман, нервирова доктору, но извлек оттуда не револьвер, а маленькую серебряную гильотину. Ловко, со щелчком, обрезал кончик сигары и передал машинку Фальку. Поднял с палубы упаковку длинных шведских спичек. Чиркнул одной, дал немного прогореть и поднес к зажатой в зубах сигаре. Несколько раз со свистом пропустил сквозь нее воздух, а затем затянулся и выпустил в безоблачное синее небо струйку синеватого дыма.

Фальк, пусть и с меньшей элегантностью, последовал его примеру.

— Итак, Василий Оттович... — после некоторого раздумья произнес собеседник. — Если вы действительно думаете, что я — убийца, то как и зачем я это сделал?

Доктор прикрыл глаза, выпуская сигарный дым, задумчиво улыбнулся и сказал:

— Что ж, это будет долгая история. Интересная, надеюсь, но долгая. В таких случаях принято начинать сначала...

¹ Сигары Н. Уррман курили А. К. Толстой, И. С. Тургенев и, например, Зигмунд Фрейд. — *Здесь и далее примечания автора.*

ЧАСТЬ 1

ПОСЛЕ БУРИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ты видишь, как я ем, гуляю, сплю,
работаю. Вдруг как будто найдет на
меня что-нибудь, какая-то хандра...
мне жизнь покажется... как будто не
всё в ней есть...

И. А. Гончаров, 1859 год

Июль для Василия Оттовича начался уныло. Как по метеорологическим причинам, так и по сердечным.

Начать следует с того, что погода в Зеленом луге к середине лета испортилась. На смену капризам мая и мягкому теплу июня пришли затяжные ливни и грозы. Дождь, хлещущий огромными каплями, от которых не спасали зонты, разогнал отдыхающих по домам. Отменились мероприятия на летней эстраде курзала. Опустела Вокзальная улица — остальные дороги Зеленого луга не были шоссированы, а потому непогода сделала их практически непроходимыми. Обитатели деревни укрылись в домах, но и те не всегда спасали. Более старые дачи, давно не видавшие ремонта, начали протекать, временами — прямо над кроватями своих обитателей, которых по утрам будил внезапный и непрощеный холодный душ. Одним словом, Зеленый луг вымер.

Но погоду Василий Оттович пережил бы легко. Уж что-что, а организовать себе тихий спокойный отдых он мог — благо, книжный шкаф Фальк обновлял сезонно, а незаменимая экономка Клотильда Генриховна проявляла подобную же прозорливость в отношении продуктов, посему способна была потчевать доктора разнообразными блюдами, ни разу не повторяясь, на протяжении недели. Фамильный дачный дом также стоял крепко, не выказывая намерений резко рассохнуться и дать течь. Крыльцо с верандой могло похвастаться солидной шириной, а потому позволяло устроиться за столом и меланхолично завтракать, глядя на молотящие по округе потоки воды и не боясь намокнуть.

Так что же не давало Василию Оттовичу покоя этим утром? Да, для читателей, по какой-то причине с ним незнакомых, пожалуй, стоит дать краткий словесный портрет нашего героя. Представьте себе античную статую Аполлона, обрядите ее в приличный и идеально сидящий летний костюм, зачешите бриллиантом растрепанные русые волосы, добавьте геометрически правильные тонкие усы — и вы получите весьма точное представление о том, как выглядит доктор Фальк, а также о причинах, почему женская часть населения Зеленого луга считает его несомненным украшением дачного поселка.

А грустен он был по одной простой причине: Лидия Николаевна Шевадина, единственная дама, которой удалось-таки похитить его сердце, была вынуждена вернуться с матушкой в Сестрорецк. Ей и так удавалось откладывать это событие под все

менее и менее благовидными предложениями. В ход шли здоровье («Доктор рекомендовал мне побольше гулять и дышать сосновым воздухом — а у нас в Сестрорецке теперь один дым от заводов»), досуг («Тут, говорят, театр приезжает, а искусство — это вещь возвышающая!»), фауна («А еще в Сестрорецке эти ночные сверчки! Я от них с ума схожу. Тут они, видимо, интеллигентнее»), суеверия («Я не дочитала одну книгу, взятую в курзале, а возвращать недочитанную — все-таки нехорошая примета») и физические увечья («Я слегка подвернула ступню в саду. Не видно, но очень чувствуется»). В принципе, Лидия Николаевна была права во всем (за исключением травмы, но страдательная походка удавалась ей крайне убедительно) — и воздух в Зеленом луге чище, и сверчки трещат тише, и книжки всегда стоит дочитывать, и даже театр действительно приехал. Фальк бросил взгляд на последний достижимый выпуск «Зеленолужского вестника», прочитанный от корки до корки, да так и оставшийся лежать на веранде. На обороте, где располагалась страница объявлений, крупные буквы буквально кричали:

Почтеннейшая публика!

Курзал имеет честь сообщить, что с июля по август на нашей сцене будут даваться спектакли под открытым небом.

Постановки будут проходить по субботам, в вечернее время, при благоприятной погоде.